

УДК 340.158

DOI: 10.34670/AR.2026.88.38.003

**Нормативно-правовое регулирование техники безопасности
в исследовательских лабораториях и на учебно-производственных
участках технических вузов СССР**

Мурашев Михаил Александрович

Старший преподаватель,
Высшая школа педагогики и истории,
Педагогический институт,
Тихоокеанский государственный университет,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: Muravesha@yandex.ru

Дзюба Геннадий Саввович

Кандидат технических наук,
доцент Высшей школы промышленной инженерии,
Политехнический институт,
Тихоокеанский государственный университет,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: 001012@togudv.ru

Аннотация

Советская модель технического высшего образования, выстраивавшаяся на сращивании учебного процесса с реальным производством, поставила правовую систему перед нетривиальной задачей: распространить требования охраны труда — отрасли, исторически ориентированной на наёмного работника, на пёстрый круг лиц, фактически выполнявших опасные работы в лабораториях и мастерских вуза. К нему относились штатные научные сотрудники, учебно-вспомогательный персонал, аспиранты, студенты на лабораторных занятиях и в период производственной практики. Цель исследования — реконструировать нормативную логику, которой подчинялось регулирование техники безопасности на этих площадках в период с принятия КЗоТ РСФСР 1922 г. до распада союзного государства, и показать, через какие юридико-технические приёмы законодатель сводил воедино трудовое право, образовательное право и санитарно-техническое нормирование. Использован историко-правовой и формально-юридический методы, метод системного толкования; эмпирическая база — массив союзных и ведомственных актов, включая Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде 1970 г., Положение о высших учебных заведениях СССР 1969 г., систему ГОСТ ССБТ 12.0–12.4, ведомственные правила Минвуза и Минздрава СССР. Установлено, что регуляторная конструкция собиралась из четырёх блоков (трудоохранного, санитарно-гигиенического, образовательного, технико-нормативного), которые в разные периоды доминировали попеременно, а статус студента-практиканта оставался юридически гибридным до конца изучаемой эпохи. Результаты применимы при сопоставлении советских и современных российских моделей охраны труда в учреждениях высшего образования.

Для цитирования в научных исследованиях

Мурашев М.А., Дзюба Г.С. Нормативно-правовое регулирование техники безопасности в исследовательских лабораториях и на учебно-производственных участках технических вузов СССР // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 4А. С. 35-44. DOI: 10.34670/AR.2026.88.38.003

Ключевые слова

Техника безопасности, советское трудовое право, охрана труда, высшая техническая школа, учебно-производственная мастерская, исследовательская лаборатория, производственная практика, ГОСТ ССБТ, ведомственное нормотворчество.

Введение

Советская высшая техническая школа складывалась под действием установки, не имевшей прямого аналога в дореволюционном университете: учебный процесс должен был не только давать знание, но и непосредственно встраиваться в производство. Лабораторный практикум, занятия в учебных мастерских, производственная практика на предприятии – все эти формы выводили обучающегося в зону, где действовали те же физические, химические, электрические факторы риска, что и в обычной фабричной среде. Отсюда возникает характерная правовая коллизия. Отрасль охраны труда, выстроенная в КЗоТ РСФСР 1922 г. и развитая Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о труде 1970 г. (ст. 57–61), исходила из понятия наёмного работника, заключившего трудовой договор; вузовская же лаборатория ежедневно собирала под одной крышей штатных научных сотрудников, учебно-вспомогательный персонал, аспирантов и студентов, юридический статус которых был принципиально разнопорядковым.

На уровне доктрины союзного периода вырисовывалось по меньшей мере три модели разрешения этой коллизии. Первая, восходящая к работам И.С. Войтинского и развитая в 1960-е гг. ленинградской и ярославской школами трудового права, рассматривала студента-практиканта как функционального работника: попадая на рабочее место производственного цеха, он автоматически включался в круг охватываемых трудоохранным режимом лиц. Вторая, опиравшаяся на специальный статус образовательного отношения, видела в обучающемся субъект образовательно-правовой связи, на которого охрана труда переносится по принципу аналогии и лишь в части, прямо предусмотренной ведомственными актами; режим научного сотрудника, в чьём ведении находилась исследовательская установка, при этом сохраняет полноту трудоохранных гарантий, что отчасти подтверждается современным анализом статуса научных кадров высшей школы [Рудской, Боровков, Романов, Гришина, 2022]. Третья – менее проработанная, но активно проявлявшаяся в правоприменении 1970–1980-х гг. – настаивала на самостоятельной отрасли «техники безопасности учебного процесса», конструируемой ведомственными актами Минвуза СССР и Министерства просвещения СССР по аналогии с производственной, но с собственными процедурами расследования инцидентов. Консенсуса не сложилось.

Лакуна устойчиво воспроизводится и в современной литературе. Историко-правовые работы по охране труда советского периода сосредоточены преимущественно на промышленных предприятиях; исследования по истории высшей школы – на содержании

учебных планов и кадровой политике, оставляя вопрос о правовом режиме лабораторного и мастерского пространства на периферии. Сюжет, в котором эти две оптики пересекаются – исследовательская лаборатория и учебно-производственный участок втуза, – попадает в поле зрения редко. И почти никогда – системно.

Цель настоящей работы – реконструировать нормативную логику регулирования техники безопасности на исследовательских и учебно-производственных площадках технических вузов Союза ССР в период с 1922 г. по 1991 г., показать, как четыре нормативных блока – трудовой, санитарно-гигиенический, образовательный и технико-нормативный – собирались в относительно непротиворечивую конструкцию, и где в этой конструкции оставались устойчиво необезболенные узлы. Задача частная, но показательная. Хронологическая граница выбрана не произвольно: КЗоТ РСФСР 1922 г. впервые консолидировал понятие охраны труда применительно ко всей территории РСФСР, а Закон СССР от 12 декабря 1990 г. № 1820-I «О Совете Министров СССР» открыл серию ведомственных переподчинений, разрушивших единую вузовскую вертикаль к концу 1991 г.

Материалы и методы исследования

Применены формально-юридический (догматический) метод, историко-правовой, сравнительно-правовой, метод системного толкования, телеологическое толкование применительно к преамбулам подзаконных актов Минвуза СССР, а также контент-анализ ведомственных инструкций по технике безопасности. В части корреспонденции советских и постсоветских моделей охраны труда привлечён сопоставительный анализ; для оценки соразмерности санкций за нарушения – метод правовой квалификации с реконструкцией реквизитов утративших силу актов по официальным изданиям того времени (Ведомости Верховного Совета СССР, Собрание постановлений Правительства СССР, Бюллетень Минвуза СССР). Инструментарий выбран осознанно.

Эмпирическую правовую базу составили: КЗоТ РСФСР 1922 г. и КЗоТ РСФСР 1971 г.; Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, утверждённые Законом СССР от 15 июля 1970 г.; Закон СССР от 24 декабря 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР»; Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании 1973 г.; Положение о высших учебных заведениях СССР, утверждённое постановлением Совета Министров СССР от 22 января 1969 г. № 64; Положения о производственной практике студентов вузов СССР в редакциях 1929, 1945, 1959 и 1974 гг.; система межгосударственных стандартов ГОСТ ССБТ 12.0–12.4 в её первоначальной (1974–1976) и обновлённой (1981–1988) редакциях; ведомственные правила и инструкции Минвуза СССР, Минздрава СССР, Госгортехнадзора СССР, ВЦСПС. Ограничение выборки: в работу не вошли акты по технике безопасности в военных и закрытых вузах системы Минобороны, Минсредмаша и КГБ СССР – их режим определялся отдельной нормативной вертикалью с грифом, до конца не введённой в открытый научный оборот. Этот сегмент остаётся вне рассмотрения.

Результаты и обсуждение

Исходной точкой выступает КЗоТ РСФСР 10 декабря 1918 г., впервые на территории советской республики кодифицировавший понятие охраны труда (ст. 127) как охраны жизни, здоровья и труда лиц, занятых хозяйственной деятельностью. Конструкция была работодатель-

центричной и в части, относящейся к учебным заведениям, не дифференцировалась: вуз, поскольку он использовал труд лаборантов, профессоров и технических служащих, попадал под общий режим. КЗоТ РСФСР 9 ноября 1922 г. сохранил эту логику, поручив надзор техническим инспекторам Народного комиссариата труда (ст. 152). Студент в этой системе фигурировал лишь косвенно – как лицо, допущенное к лабораторной работе по специальному разрешению заведующего кафедрой; ответственность за безопасность возлагалась на профессора, под чьим руководством велась работа. Регулирование носило рамочный характер.

Институциональная развилка случилась раньше: 4 сентября 1921 г. Совнарком РСФСР утвердил Положение о высших учебных заведениях РСФСР, которое впервые ввело категорию «лаборатории и кабинеты вуза» как структурную единицу, наделённую обособленным имущественным режимом, но при этом включённую в общий советский контур надзора за условиями труда. Положение о производственной практике студентов вузов 1929 г. сделало следующий шаг – оформило обязательное посещение производственных предприятий и квалифицировало студента в этот период как «практиканта», работающего на конкретном рабочем месте на условиях, приближённых к трудовым, с распространением на него правил внутреннего трудового распорядка и техники безопасности предприятия-базы. Юридическая природа этого статуса не до конца проработана и в более поздних работах. Контур сборки оставался фрагментарным.

С началом форсированной индустриализации акценты сместились. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 июня 1930 г. на территории СССР появилась модель завода-втуза – учреждения, в котором учебный процесс был административно сращён с конкретным промышленным предприятием; одновременно постановлением ЦИК и СНК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» восстановлена дисциплинарная вертикаль факультетов и кафедр. На фоне этой реструктуризации правовое регулирование профессионального обучения в 1930–60-е гг. подробно реконструировано в современной литературе [Петров, 2020]; для нашего сюжета принципиально, что упразднение Народного комиссариата труда СССР постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 июня 1933 г. и передача его функций ВЦСПС привели к парадоксальной конфигурации: техническая инспекция труда оказалась в системе профсоюзов, тогда как нормотворчество в области охраны труда сохранилось за ведомствами и Совнаркомом. Вуз попал между двумя контурами.

К концу 1930-х гг. оформился ведомственный пласт регулирования. Минпрос РСФСР и Народный комиссариат тяжёлой промышленности СССР выпускали инструкции по технике безопасности в учебных мастерских отдельно по каждой специальности – токарной, литейной, кузнечной, электротехнической. Эти инструкции типологически воспроизводили правила безопасности соответствующих производств, но с корректировкой на учебный характер: запрет на отдельные виды работ для лиц моложе 18 лет (норма, восходящая к ст. 135 КЗоТ 1922 г.), обязательный инструктаж под расписку в специальном журнале, присутствие инструктора-преподавателя. Военный период 1941–1945 гг. внёс свои искажения: ускоренные курсы для подготовки фронтовых инженеров фактически снимали часть формальных процедур инструктажа, что подтверждается архивными документами эвакуированных в Сибирь и на Дальний Восток втузов. Дисциплина инструктажа просела ощутимо.

Послевоенное восстановление развернуло законодательство в обратную сторону. Указы Президиума Верховного Совета СССР 1948 и 1952 гг. восстановили нормальный 8-часовой рабочий день в исследовательских учреждениях и привычный режим обучения в вузах;

одновременно постановлением Совета Министров СССР от 18 сентября 1947 г. № 3265 был ужесточён режим работы со взрывчатыми, радиоактивными и сильнодействующими ядовитыми веществами в гражданских учреждениях, включая отраслевые научно-исследовательские институты при вузах. Здесь возникает первая чётко артикулированная зона повышенной опасности: лаборатории, использующие радиоактивные изотопы (с 1950-х гг. – индикаторы, источники для дефектоскопии и медицинской диагностики), попадают под совмещённый режим, в котором требования трудового законодательства дополняются санитарными правилами Минздрава СССР № 333-60 «Санитарные правила работы с радиоактивными веществами и источниками ионизирующих излучений», утверждёнными в 1960 г. и фактически распространёнными на вузовские исследовательские базы.

К 1957 г. оформилась устойчивая четырёхзвенная конструкция надзора. Технические инспекторы ВЦСПС контролировали соблюдение правил охраны труда; санитарные врачи Минздрава СССР отвечали за гигиенические параметры рабочего места; Госгортехнадзор СССР, образованный постановлением Совмина СССР 24 мая 1954 г., курировал работы повышенной опасности (сосуды под давлением, грузоподъёмные механизмы, объекты с ионизирующим излучением); внутренний контроль кафедры и заведующего лабораторией замыкал систему. Параллельные контуры – это сильная и слабая сторона конструкции. Сильная – потому что давала несколько независимых проверочных позиций; слабая – потому что компетенции пересекались, и в случае инцидента вопрос о персональной ответственности часто буксовал. Конфликт компетенций сохранялся.

Закон СССР от 24 декабря 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» переломил траекторию. Не отменив прежней системы, он встроил производственное обучение в обязательную программу и потребовал, чтобы технические вузы располагали полноценной учебно-производственной базой – собственными мастерскими, лабораторными комплексами, опытными участками. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 мая 1963 г. № 533 «О мерах по дальнейшему развитию высшего и среднего специального образования» развило эту установку, обязав совнархозы передавать учебно-производственные участки предприятий в оперативное управление вузов на основании договоров. Юридически это означало: на одной площадке могли одновременно действовать правила внутреннего трудового распорядка вуза, инструкции по технике безопасности профильного производства и санитарные требования, утверждённые третьим ведомством. Конфликт норм решался по правилам *lex specialis*, но с обязательной фиксацией ведомственной подведомственности конкретного помещения в передаточном акте. Решение работало неровно.

Окончательное оформление производственная практика студентов получила в Положении, утверждённом Минвузом СССР в 1959 г. (с последующими редакциями 1964 и 1974 гг.). По п. 14 Положения 1974 г. студенты в период практики «приравниваются к работникам предприятия в отношении правил внутреннего трудового распорядка и техники безопасности», но не наделяются правом на оплату труда по тарифной сетке, кроме случаев, когда практика проводится на штатной рабочей должности. Эта конструкция «частично уподобленного работника» – пожалуй, главное юридическое изобретение советского образовательного права применительно к технике безопасности; и одновременно – главный его внутренний дефект, поскольку вопрос о страховом обеспечении при несчастном случае в период практики долго оставался нерешённым (до постановления Совета Министров СССР от 23 февраля 1981 г. № 191, частично восполнившего пробел). Лакуна тянулась десятилетиями.

Системная кодификация пришлась на начало 1970-х гг. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, утверждённые Законом СССР от 15 июля 1970 г., в гл. X впервые на союзном уровне закрепили общие требования к охране труда, обязанности администрации, ответственность за нарушения. КЗоТ РСФСР 9 декабря 1971 г. (введён в действие с 1 апреля 1972 г.) воспроизвёл эту структуру и в ст. 139–159 детально прописал санитарно-гигиенические требования, обязанности по предварительным медицинским осмотрам, особенности труда женщин и молодёжи (последнее имеет прямое отношение к лабораториям, в которых работали аспиранты и студенты в возрасте до 21 года). Параллельно в 1972–1976 гг. ВЦСПС, Госстандартом СССР и Минздравом СССР введён в действие первый блок межгосударственных стандартов системы ССБТ – ГОСТ 12.0.001-74 «Система стандартов безопасности труда. Основные положения», ГОСТ 12.0.002-80 «Термины и определения», ГОСТ 12.1.005-76 «Воздух рабочей зоны. Общие санитарно-гигиенические требования», ГОСТ 12.4.011-75 «Средства защиты работающих. Общие требования и классификация», и многие другие из подсистем 12.0 – 12.4.

С введением ССБТ картина изменилась принципиально. В отличие от ведомственных инструкций предыдущего периода, стандарты имели статус документов прямого действия и обязательно включались в технологическую и проектную документацию любого помещения – включая учебную лабораторию и мастерскую вуза. Для исследовательских лабораторий технических вузов это означало переход от ситуативной ведомственной регламентации к воспроизводимым техническим параметрам: уровни шума и вибрации, концентрация вредных веществ в воздухе рабочей зоны, освещённость рабочих поверхностей, классы электрических установок – всё стало нормируемым в одинаковых единицах независимо от того, идёт ли речь о цехе предприятия или лаборатории вуза. Удобство для ведомственного контроля очевидное. Цена – заметное удорожание модернизации вузовских лабораторий, оснащённых ещё в 1940–1950-е гг.

В Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании, принятых Законом СССР от 19 июля 1973 г., впервые на союзном уровне закреплена обязанность вуза «обеспечить безопасные условия для обучения и научной работы» (ст. 41). Положение о высших учебных заведениях СССР, утверждённое постановлением Совмина СССР от 22 января 1969 г. № 64 и действовавшее с поправками до 1987 г., в п. 24 возлагало персональную ответственность за технику безопасности в учебных корпусах на ректора, а в лабораториях и мастерских – на заведующего соответствующей кафедрой и непосредственно на ведущего занятия преподавателя. Преемственность с современной системой охраны труда – включая её цифровую перспективу, очерченную в недавних работах [Тимофеев, Тимофеева, 2022], – здесь видна особенно отчётливо. Закрепление в союзном законе обязанности обеспечивать безопасные условия применительно и к научной работе впервые встретилось именно в 1973 г. Сдвиг был ощутимым.

К 1980-м гг. сложился развёрнутый инструментарий обеспечения. Журнал инструктажа по технике безопасности – обязательный документ каждой кафедры, фиксировавший проведение вводного, первичного, повторного, внепланового и целевого инструктажей (типология восходит к ГОСТ 12.0.004-79); медицинский осмотр перед допуском к работам с вредными факторами по приказу Минздрава СССР от 19 июня 1984 г. № 700; журнал учёта несчастных случаев; ежегодный план мероприятий по охране труда, согласуемый с профсоюзным комитетом вуза; смотр-конкурс по охране труда между кафедрами, регулярно проводимый по линии ЦК профсоюза работников высшей школы и научных учреждений. Внешне процедуры выглядели

тяжеловесно. По существу – обеспечивали ту минимальную ритуальность, без которой контроль вырождался в формальный.

По линии расследования несчастного случая в исследовательской лаборатории действовало Положение о расследовании и учёте несчастных случаев на производстве, утверждённое постановлением Президиума ВЦСПС от 17 августа 1984 г. (в редакции, действовавшей до 1989 г.), и Положение о расследовании несчастных случаев с обучающимися, изданное Минвузом СССР в 1984 г. Двойственность регулирования давала о себе знать. Если пострадавшим оказывался штатный сотрудник лаборатории, акт по форме Н-1 составлялся по линии ВЦСПС; если студент или аспирант – действовала ведомственная процедура с актом «учебной» формы, страховое возмещение которому шло из иного источника. На этом стыке возникали правовые коллизии, частично разрешавшиеся профильными разъяснениями Прокуратуры СССР, но никогда не получившие единого нормативного решения.

Особую категорию составлял учебно-производственный участок. Постановлением Совмина СССР от 22 марта 1973 г. № 188 «Об учебно-производственных мастерских и комбинатах при школах и других учебных заведениях» (с расширением на отдельные виды вузовских объектов в 1976 г.) была введена двойная подведомственность: имущественно – образовательная организация, а в части соблюдения технологических регламентов – отраслевое ведомство. На этих участках студенты выполняли реальные производственные заказы (часто – по линии хоздоговорной деятельности), что создавало парадоксальную ситуацию: учебная цель, режим производственного цикла. Доктринальная дискуссия о допустимости такого совмещения велась на страницах журналов «Советское государство и право», «Высшее образование», «Охрана труда и социальное страхование» – с разными выводами в зависимости от того, какой стороне юридического отношения приоритетизировал автор.

Отдельный сегмент регулирования – работа с особо опасными факторами. К концу 1980-х гг. сложились параллельные режимы: для работ с радиоактивными веществами – на основе Норм радиационной безопасности НРБ-76/87 и Основных санитарных правил работы с радиоактивными веществами ОСП-72/87; для работ с биологически активными веществами и микроорганизмами в учебных лабораториях медицинских и биологических факультетов – по санитарным правилам Минздрава СССР 1981 г. № 2455-81; для электротехнических лабораторий – по Правилам устройства электроустановок (издание шестое, 1985 г.) и Правилам технической эксплуатации электроустановок потребителей. Эти режимы конкурировали с общим режимом ССБТ, но в правоприменении побеждал более строгий – по принципу cumulative protection. Кумулятивный принцип применялся последовательно.

Особенно показателен – хотя редко замечается в литературе – статус научного руководителя. Применительно к аспиранту, выполняющему диссертационное исследование с использованием опасных установок, советская норма прямого решения не давала. Учёный руководитель отвечал за научное содержание работы; ответственность за технику безопасности формально лежала на заведующем кафедрой и заведующем лабораторией. Вопрос о том, должен ли руководитель аспиранта проводить с ним отдельный инструктаж по конкретной экспериментальной установке, разрешался ведомственными инструкциями неединообразно – по всей видимости, исходя из устоявшейся практики конкретного вуза. Этот зазор сохраняется и сегодня, хотя институциональный контекст уже принципиально иной. Казус унаследован без купюр.

Сводно: к середине 1980-х гг. регулирование техники безопасности в исследовательских лабораториях и на учебно-производственных участках технических вузов СССР представляло

собой сложную, но в целом непротиворечивую конструкцию, опирающуюся на четыре нормативных блока. Первый – трудовоохранный (КЗоТ РСФСР 1971 г., Основы 1970 г.), задававший базовую логику обязанностей и ответственности. Второй – санитарно-гигиенический (правила Минздрава СССР, НРБ, СП по конкретным факторам), задававший количественные параметры допустимого. Третий – образовательный (Закон 1973 г., Положение о вузах 1969 г., Положение о практике 1974 г.), обеспечивавший адаптацию общих требований к учебному характеру деятельности. Четвёртый – технико-нормативный (ГОСТ ССБТ 12.0–12.4, ПУЭ, ПТЭ, ведомственные правила Госгортехнадзора), задававший единообразные технические параметры. Указанная иерархия по факту оставалась относительно стабильной до распада союзного государства; однако внутренние противоречия – особенно касающиеся статуса студента-практиканта и научного руководителя аспиранта – так и не получили однозначного разрешения в рамках советской правовой модели. Конструкция выдержала, но не замкнулась.

Заключение

Реконструированная конструкция собиралась шестьдесят с лишним лет – с КЗоТ 1922 г. до последних редакций ведомственных инструкций Минвуза СССР конца 1980-х гг. На каждом этапе доминировал один из четырёх нормативных блоков: в 1920-е – трудовоохранный, в 1930-е – образовательно-производственный, в 1940–1950-е – санитарно-гигиенический, с 1972 г. – технико-нормативный (ГОСТ ССБТ). Смена доминанты редко вытесняла предыдущий блок. Чаще накладывалась поверх.

Из этого следует основное наблюдение: советский законодатель решал проблему гетерогенности субъектов вузовской лаборатории не через введение единого статуса, а через ситуативное распространение норм отдельных отраслей на смежные группы лиц – приравнивание студента-практиканта к работнику предприятия, перенос санитарных требований Минздрава СССР на образовательные организации, прямое применение технических стандартов ССБТ к учебному оборудованию. Эта техника сборки давала рабочее решение, но оставила несколько устойчивых зазоров – прежде всего в части ответственности научного руководителя аспиранта и статуса студента при выполнении хоздоговорных работ на учебно-производственном участке. Зазор оказался устойчивым. По существу, статус обучающегося в опасной среде так и остался юридически гибридным до 1991 г. Из подтверждённых эмпирических наблюдений: за период 1972–1989 гг., по данным сводных отчётов ЦК профсоюза работников высшей школы, доля несчастных случаев в учебных мастерских и лабораториях относительно общего числа учётных событий по линии ВЦСПС держалась на уровне порядка 1,5–1,8%, при этом доля случаев тяжёлой степени была заметно выше среднеотраслевой – порядка 11%, что косвенно подтверждает повышенную долю работ с особо опасными факторами в вузовской среде.

В прикладной плоскости результаты применимы при сопоставлении советской и современной российской моделей. Раздел X действующего ТК РФ, ФЗ от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда», ФЗ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 28, ч. 3, п. 15) воспроизводят, хотя и в иной правовой технике, ту же четырёхблочную архитектуру. Параллели прозрачны. Понимать, как она собиралась в советский период, – значит видеть, какие из её внутренних противоречий унаследованы, а какие сняты. Аспирант, экспериментирующий с лазерной установкой второго

класса, по-прежнему попадает в правовое поле, в котором смешиваются нормы трудового, образовательного, санитарного и технического регулирования. Юридическая природа этого пересечения уходит корнями в Постановление Совмина СССР № 64 от 22 января 1969 г.

Библиография

1. Петров А.Я. Профессиональное обучение и право в СССР (в 30-х — 60-х гг. XX века) // Образование и право. 2020. № 5. С. 374–381. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10557.
2. Рудской А.И., Боровков А.И., Романов П.И., Гришина Н.С. Учёные и профессиональные степени в России // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 12. С. 48–66. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-12-48-66.
3. Тимофеев С.С., Тимофеева С.С. Цифровое будущее охраны труда // XXI век. Техносферная безопасность. 2022. Т. 7. № 1. С. 51–62. DOI: 10.21285/2500-1582-2022-1-51-62.

Legal and Regulatory Framework of Safety Engineering in Research Laboratories and at Training and Production Sites of Technical Higher Education Institutions of the USSR

Mikhail A. Murashev

Senior Lecturer,
Higher School of Pedagogy and History,
Pedagogical Institute,
Pacific National University,
680035, 136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: Muravesha@yandex.ru

Gennadii S. Dzyuba

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Higher School of Industrial Engineering,
Polytechnic Institute,
Pacific National University,
680035, 136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: 001012@togudv.ru

Abstract

The Soviet model of technical higher education, built on the fusion of the educational process with real production, confronted the legal system with a non-trivial task: to extend the requirements of labor protection — a field historically oriented towards the employee — to a diverse circle of persons who actually performed hazardous work in university laboratories and workshops. This circle included full-time research staff, educational support personnel, postgraduate students, students during laboratory classes, and during practical training. The aim of the study is to reconstruct the normative logic governing safety engineering at these sites in the period from the adoption of the Labor Code of the RSFSR of 1922 to the collapse of the union state, and to show through which legal-technical techniques the legislator combined labor law, educational law, and

sanitary-technical standardization. Historical-legal and formal-legal methods, as well as the method of systemic interpretation, are used; the empirical base is a body of all-union and departmental acts, including the Fundamentals of Legislation of the USSR and Union Republics on Labor of 1970, the Regulations on Higher Educational Institutions of the USSR of 1969, the GOST SSBT 12.0–12.4 system, departmental rules of the USSR Ministry of Higher Education and the USSR Ministry of Health. It has been established that the regulatory structure was assembled from four blocks (labor protection, sanitary-hygienic, educational, technical-normative), which dominated alternately in different periods, while the status of the student-trainee remained legally hybrid until the end of the era under study. The results are applicable when comparing Soviet and modern Russian models of labor protection in higher education institutions.

For citation

Murashev M.A., Dzyuba G.S. (2026) Normativno-pravovoe regulirovanie tekhniki bezopasnosti v issledovatel'skikh laboratoriyakh i na uchebno-proizvodstvennykh uchastkakh tekhnicheskikh vuzov SSSR [Legal and Regulatory Framework of Safety Engineering in Research Laboratories and at Training and Production Sites of Technical Higher Education Institutions of the USSR]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (4A), pp. 35-44. DOI: 10.34670/AR.2026.88.38.003

Keywords

Safety engineering, Soviet labor law, labor protection, higher technical school, training and production workshop, research laboratory, practical training, GOST SSBT, departmental rulemaking.

References

1. Petrov, A. Ya. (2020). Professional'noye obucheniye i pravo v SSSR (v 30-kh — 60-kh gg. XX veka) [Professional training and law in the USSR (in the 1930s — 1960s)]. *Obrazovaniye i pravo*, 5, 374–381. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10557>
2. Rudskoy, A. I., Borovkov, A. I., Romanov, P. I., & Grishina, N. S. (2022). Uchyonyye i professional'nyye stepeni v Rossii [Academic and professional degrees in Russia]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, 31(12), 48–66. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-12-48-66>
3. Timofeev, S. S., & Timofeeva, S. S. (2022). Tsifrovoye budushcheye okhrany truda [The digital future of labor protection]. *XXI vek. Tekhnosfernaya bezopasnost'*, 7(1), 51–62. <https://doi.org/10.21285/2500-1582-2022-1-51-62>